

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Фальк Бретшнейдер, Катя Махотина, Наталия Мучник.</i> Монастырь и тюрьма. Введение	7
<i>Мартин Ауст.</i> Предварительные замечания по концепции сборника. Как история монастырских тюрем открывает перспективы для историографии — вне традиционных противопоставлений «социальное дисциплинирование» vs «социальный контроль», Россия vs Европа	31

Комбинированные учреждения: монастыри, работные дома и цухтгаузы

<i>Элизабет Люссе.</i> Монастырские тюрьмы в Средние века и в Новое время (XIII–XVIII века)	36
<i>Катя Махотина.</i> Монастыри как мультифункциональные учреждения в России первой половины XVIII века	58
<i>Фальк Бретшнейдер.</i> «Общий дом». Многофункциональность заключения и модель «дома» в германских землях эпохи модерна	82
<i>Кса́вье Руссо.</i> Дисциплинировать, исправлять, наказывать. Многоликость тюремного заточения в Габсбургских Нидерландах (1550–1795)	110
<i>Ирина Ролдугина.</i> Между наказанием и исправлением. Режим заключения Калининского дома (1750–1759) и его специфика	131

Город и тюрьма

<i>Жюли Клостр и Пьер Брошар.</i> Парижские тюрьмы в период Средневековья. Новые пути исследования	150
<i>Александр Воробьев.</i> Московские большие тюрьмы в XVII веке. Организация и административные практики	172
<i>Симон Кастанье.</i> Мобилизация связей и денег в парижских тюрьмах во второй половине XVIII века	188

Наталья Мучник. «As a Little City in a Commonwealth
(Как маленький город в содружестве)»: жизнь квартала
в тюрьмах XVI–XVII веков (Англия, Франция, Испания) 207

Елена Бородина. Содержание колодников
в Екатеринбурге середины XVIII века 231

Дискурсы и практики заключения

Елена Марасинова. Пространство наказания покаянием.
От Кремля до Соловецкого монастыря
(дело убийц Жуковых второй половины XVIII века) 260

Людмила Сукина. Тюрьма, плен и сума.
Пространство христианской благотворительности
в Русском государстве XVI–XVII веков 277

Лоранс Фонтен. Борьба с нищенством как проблема.
Конкурс Академии Шалона-на-Марне в 1777 году 291

Венсан Мийо. Тень высоких стен:
палимпсест тюремного заточения 313

Об авторах 319

Фальк Бретшнейдер, Катя Махотина, Наталия Мучник

МОНАСТЫРЬ И ТЮРЬМА. ВВЕДЕНИЕ

Монастырь и тюрьма — для некоторых это может показаться довольно странной аналогией, поскольку, на первый взгляд, эти два учреждения имеют мало или вообще ничего общего друг с другом. Монашество, широко распространенное в христианстве с поздней Античности, подразумевает добровольное уединение от мира с целью поиска близости к Богу через аскетизм и молитву. А тюремное заключение преступников и других изгоев общества, которое широко распространено в Европе с XVI века, практикует лишение свободы передвижения и направлено на защиту общества, а также наказание или исправление проступков. Итак, на первый взгляд, монастырь и тюрьму мало что связывает. И все же между добровольным заключением и лишением свободы с целью наказания или дисциплинирования существуют многочисленные параллели, на которые социологи обратили внимание довольно рано. Американский социолог Ирвинг Гофман, например, причислял к идеальным типам «тотальных институтов», разработанных им в 1960-х годах, не только «тюрьмы, пенитенциарные учреждения, лагеря для военнопленных и концентрационные лагеря», но и «места уединения от мира [, такие как] аббатства, монастыри, обители и другие монашеские общины»¹. Все эти институты, по мнению Гофмана, характеризуются тем, что все повседневные дела происходят в них в одном и том же месте и подчиняются единому авторитету. Члены таких учреждений живут в принудительном сообществе, где все и каждый имеют одинаковое обращение.

¹ Goffman 1961. P. 5.

Все этапы повседневной жизни спланированы до мельчайших деталей и предписаны сверху четкими правилами. В конечном итоге деятельность заключенных складывается в грандиозный рациональный план, направленный на достижение официальных целей учреждения¹.

При формулировании своих тезисов Гофман уделял мало места эмпирике о монастырях и других религиозных общинах, и в основном он полагался на свои наблюдения в психиатрических клиниках. По-другому действовали два немецких социолога Хуберт Трейбер и Хайнц Штайнерт, которые сравнили условия жизни и работы в средневековых монашеских общинах и в замкнутом мире фабричных поселений около 1900 года в своем исследовании «Die Fabrikation des zuverlässigen Menschen» («Фабрикация надежного человека»), впервые опубликованном в 1980 году.

Их исследование «избирательного сродства»² между монастырской и заводской дисциплиной основано на убедительном аргументе, что Правило Святого Бенедикта в VI веке создало программу «методической жизни», которая продолжает предоставлять формы, практику и методы организации дисциплины в совершенно разных институциональных контекстах. Эта программа и сегодня предлагает формы, практики и методы организации дисциплины в совершенно разных институциональных контекстах: например, закрытая архитектура, позволяющая осуществлять максимально тотальный контроль, строго иерархическое структурирование социальных отношений, строгий режим времени («диктатура пунктуальности») или продуманная система санкций, заставляющая людей вести себя определенным образом³. Наконец, Мишель Фуко рассуждал аналогичным образом в своем весьма влиятельном исследовании «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», опубликованном в 1975 году, где он обратился к монастырской традиции пространственного разделения и ограничения и проследил, как один из важнейших

¹ Goffman 1961. P. 6.

² В понятии «Wahlverwandtschaften» (И. Гете), подразумевающего родство душ (*примеч. пер.*).

³ Treiber, Steinert 1980.

архитектурных элементов современной тюрьмы — одиночная камера — восходит к монастырским корням¹.

Если присмотреться, монастырь и тюрьма становятся все более похожими. Такая ассоциация монашеского образа жизни и тюремного заключения, конечно же, всегда вызывала резкое неприятие. Известным примером является французский теолог и историк религии Жан Леклерк, сам член бенедиктинского ордена, который в статье, впервые опубликованной в 1971 году, задал вопрос: «Является ли монастырь тюрьмой?» Его ответ был однозначным. Хотя он не отрицал плодотворность сравнительной перспективы на оба институциональных типа, он упорно настаивал на фундаментальном различии: тюрьма лишает свободы, тогда как монастырь как самостоятельно выбранное заключение позволяет монаху «сохранить свою свободу и позволить ей стать больше». Ведь уединение и покаяние делают возможным развитие внутренней свободы, которая открывается, как только ограничения внешнего мира отступают от того, кто подчиняется монашеской дисциплине².

Неужели у монастырей и тюрем в конечном итоге нет ничего общего? В последние годы исторические исследования интенсивно исследуют этот вопрос и, анализируя оба института, не обязательно уравнивают их. Свое вдохновение новые труды черпают из уже описанных нами книг, в то же время расширяя оптику и подкрепляя свои выводы эмпирикой. Ведь для Гофмана или Фуко сравнительное рассмотрение различных форм заключения вряд ли выходило за рамки простой аналогии или исторического выведения абстрактных принципов. Однако сегодня историки различных дисциплинарных направлений (социальная история, религиозная история, юридическая история, история архитектуры...) работают вместе, чтобы изучить различные учреждения и места сегрегации, содержания под стражей и наказания на предмет не только сходства, но и различий. Это развитие во многом обязано двум динамикам современной историографии, которые мы кратко представим ниже: во-первых, расширению классической истории тюрьмы до социальной

¹ Foucault 1975. S. 143, 145.

² Leclercq 1971.

истории практик лишения свободы со Средних веков до современности, а во-вторых, тому, что монастырь был открыт заново как место наказания и заключения.

МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ИСТОКИ ТЮРЬМЫ

В западной историографии тюрьма долгое время оставалась в тени науки. В первой половине XIX века исключительно историки права занимались историей тюремного заключения. Их взгляд был сформирован, прежде всего, историей идей и институтов, поскольку их интересовали в первую очередь истоки так называемой «реформаторской пенитенциарной системы», которая стала доминирующей парадигмой обращения с правонарушителями во всей Европе в течение XIX века. В немецкой истории права, которая в те десятилетия была решающей для международных исследований, существовали две противоположные интерпретации: для Готхольда Боне принцип «наказания через исправление» можно проследить в позднесредневековых городах Северной Италии, где уже с XII века существовали многочисленные тюрьмы¹. Роберт фон Хиппель, Густав Радбрух и другие, с другой стороны, придерживались мнения, что интеллектуально-исторические корни современного тюремного заключения следует искать в Англии и Нидерландах, где во второй половине XVI века, с Брайдвеллами (Bridewells) (первый в Лондоне в 1553 году) и Тухтхюизенами (Tuchthuizen) (первый в Амстердаме, 1595 год — Распхюиз (Rasphuis) для мужчин и 1597 год — Спинхюиз (Spinhuis) для женщин), возникли новые крупные институты заключения. В них, по их мнению, воспитание трудом и религиозность впервые были использованы в качестве средства наказания².

Эта последняя точка зрения долгое время оставалась доминирующей в западной историографии. Только в последние годы городские темницы Сиены, Флоренции, Болоньи или Венеции получили новое внимание, например со стороны Гая Гельтнера, который изучал тюрьмы в городах-государствах Северной

¹ Bohne 1922; Bohne 1925.

² Hippel 1932; Radbruch 1950.

Италии в позднем Средневековье. Он показал, что начиная с XIII века они использовались не только в качестве тюрем предварительного заключения, но и для исполнения приговоров, связанных с лишением свободы¹. Другие историки, например Жюли Клостр в своем исследовании печально известной средневековой городской крепости Шатле в Париже, рассматривают другую форму позднесредневекового заключения: долговое заключение, то есть заключение в тюрьму несостоятельных (или нежелающих) должников, которые по наущению (и за счет!) их кредиторов проводили время в тюрьме, что должно было заставить их выплатить свои долги². В своей работе об имперском городе Кельне в начале раннего Нового времени Герд Шверхофф, например, посвятил себя третьему варианту: заключению в башню, которое использовалось в контексте судебного процесса (досудебное заключение) как принудительная мера за непослушание, как замена неуплаченного штрафа и — в случае мелких правонарушений — также как самостоятельное наказание в виде лишения свободы. Должников также отправляли в башню в Кельне³.

Историография тюрьмы начала свою настоящую карьеру в 1970-х годах, когда в ходе новых социальных движений в Западной Европе и Северной Америке теневые зоны современного общества оказались в центре внимания социальных наук. Так родилась так называемая «ревизионистская» историография, названная так потому, что ее представители — прежде всего Мишель Фуко, а также Дэвид Ротман, Пьер Дейон, Майкл Игнатъефф или Мишель Перро — решительно выступили против старых интерпретаций правовой истории, для которых тюрьма была признаком прогресса и гуманизации наказания⁴. В особенности Фуко рассматривал тюремное заключение прежде всего как признак изменения властных отношений и всеобъемлющего дисциплинарного процесса, охватившего все общество на пороге современной эпохи. В его глазах институт наказания

¹ Geltner 2008.

² Claustre 2007. Над тюремным заключением за долги в раннем Новом времени сейчас работает Симон Кастанье (Париж).

³ Schwerhoff 1991, особенно S. 95–104, 123–132.

⁴ Foucault 1975; Rothman 1971; Deyon 1975; Ignatieff 1978; Perrot 1981.

в сочетании с появившимися в то же время гуманитарными науками обеспечивал господство системы контроля и стандартизации, которая производила послушные и покорные тела в качестве гигантской машины власти. Отчасти Фуко опирался на старые работы марксистской историографии, в частности на исследование Георга Руше и Отто Кирхгеймера, которые еще в 1930-х годах утверждали, что появление тюремного заключения можно объяснить недостатком рабочих рук на рынке труда¹. Таким образом, тюрьма все больше становилась символом становления современного капиталистического общества, что особенно привлекало внимание к реформаторским учреждениям XIX и XX веков, которые были спроектированы инженерами как «исправительные машины»².

Институты лишения свободы позднего Средневековья и раннего Нового времени, однако, были по-прежнему в забвении — что даже приводило к утверждению, что в эпоху Старого режима вообще не существовало наказаний в виде лишения свободы. Только в 1990-х годах вновь обратили внимание на разнообразные практики лишения свободы в ранней современной Европе и их использование в пенитенциарных целях. Важный импульс для этого дал голландский историк Питер Спиренбург, который в своем исследовании «Тюремный опыт», впервые опубликованном в 1991 году, рассматривал многочисленные пенитенциарные учреждения и работные дома, появившиеся в Голландии и крупных городах Северной Германии начиная с XVII века³.

Несколько исследований, особенно по немецкоязычным странам, двигались в аналогичном направлении⁴. В то же время стали появляться исследования других видов наказания, в которых также использовалось лишение свободы передвижения, таких как наказание общественным трудом (например, на строительстве дорог или в шахтах, а также в обслуживании военных укреплений⁵), наказание на галерах, которое использовалось,

¹ Rusche, Kirchheimer 1939.

² Nutz 2001.

³ Spierenburg 1991, о вкладе Спиренбурга в историографию тюремного заключения см.: Bretschneider 2019.

⁴ Stier 1988; Ammerer, Weiß 2006; Bretschneider 2008.

⁵ Schuck 2000; Krause 2003.

прежде всего, морскими державами, такими как Венеция или Генуя, а также другими странами Средиземноморья, такими как Франция, Испания или Османская империя¹, или депортация заключенных в заморские колонии или отдаленные провинции (Австралия, Банат, Сибирь), практиковавшаяся всеми европейскими колониальными державами, в их числе и Российской империей².

Таким образом, исследовательская литература об «избирательном родстве» между монастырем и тюрьмой или пенитенциарным учреждением в Западной Европе уже обширна. Применительно к монастырям в Российской империи подобные исследования отсутствуют³. Примечательно, что русские монастыри и их функции светского и религиозного воспитания до сих пор не являлись предметом исследования⁴. Существует лишь несколько локальных исследований, посвященных северным монастырям как местам светского наказания⁵; их социальное измерение, однако, остается совершенно неизученным — отчасти из-за сложной ситуации с источниками. В постсоветской историографии также существуют пробелы в исследованиях по истории тюрем, которые до сих пор были сосредоточены в основном на истории карательных учреждений, истории права и уголовно-исполнительной системы. В этой традиционной отрасли историографии основное внимание по-прежнему уделялось институтам центральной власти, от которых якобы исходили все значимые процессы в обществе. Темы были заранее определены — уголовное право, политические расследования, уголовное преследование — и рассматривались с точки зрения

¹ Zysberg 1987; Martínez Martínez 2011; Zarinebaf 2010. S. 164–168.

² Gentes 2008; Kollmann Shields 2012. S. 245–257; Morgan, Rushton 2013; Steiner 2014.

³ Исключение недавно вышедший тематический сборник, подготовленный одним из авторов данного введения: Makhotina 2021: Klöster als multifunktionale Orte der Einsperrung im Russland der Frühen Neuzeit, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 69, 3/2021.

⁴ Хотя этот аспект был рассмотрен в работе: Schmähling 2009. P. 161–186, там он затронут лишь вскользь, как одна из граней монашеской жизни. Пругавин (1906) и Гернет (1961) рассматривали монастырские тюрьмы только как карцеры реакционного царизма, не считаясь с особенностью монашеской обители.

⁵ Павлушков 2014.

«сверху вниз»¹. Социальные, религиозные и культурные контексты, в свою очередь, оставались вне поля зрения. Поэтому неудивительно, что монастырские тюрьмы — и особенно пресловутые «земляные тюрьмы» — рассматривались в традициях советской историографии как чисто государственная карательная практика. Иного подхода к изучению уголовного права и наказания придерживались Нэнси Шилдс Коллманн², Кристоф Шмидт³, Брюс Адамс⁴ или Джонатан Дейли⁵. Коллманн подчеркивает, что в России централизованная власть была гораздо менее выражена, чем в Западной Европе, поэтому необходимо рассмотреть «политику различий», которая позволяла сообществам действовать самостоятельно в широких сегментах социальной и политической жизни. Ее книга «Преступление и наказание» — это не исследование практик власти и практик «снизу», а изучение точек соприкосновения между ними. Коллманн отвергает парадигму о контрасте между Европой (= правовое государство) и Россией (= деспотизм) и показывает, что государственное насилие в России часто действовало более мягко, чем в европейских странах раннего Нового времени. В своем исследовании уголовного права в России XIX века Джонатан Дейли также приходит к выводу, что царская империя и государства Западной Европы находились на одном уровне в плане своего «гуманизма».

Кристоф Шмидт, в свою очередь, предлагает рассматривать развитие права и наказания с точки зрения Московского государства как социальной лаборатории. В этом контексте он вводит понятие социального контроля и следует теориям социального дисциплинирования в западной историографии 1970-х годов. Шмидт занимается вопросами социальных структур, социальной динамики и недостатков местной исполнительной власти. В этой перспективе рассматривался не только контроль «сверху вниз», но и горизонтальный контроль внутри

¹ Анисимов 1999; Анисимов 2019.

² Kollmann Shields 2012.

³ Schmidt 1996.

⁴ Adams 1996.

⁵ Daly 2000.

общества. Как и Коллманн, он показывает, что население участвовало в формировании правовой культуры с помощью «доношений», то есть челобитных правящим иерархам. Новаторство его исследования заключается в периодизации уголовной истории — рассматривая XVII век, он выходит из традиционной парадигмы, в которой петровский период рассматривается как радикальная цезура для всех сфер общественной жизни.

Елена Марасинова также использует концепцию социального контроля в своем исследовании покаянных практик церковных институтов¹. Она анализирует значение покаяния в судебном процессе как цели наказания и как формы расследования преступления. По словам Марасиновой, монархия использовала религию и исправительные практики Русской православной церкви для поддержания общественного порядка и соблюдения общественной и личной морали. В этом контексте она также рассматривает монашеское заточение.

Таким образом, можно сказать, что с 2000-х годов практики тюремного заключения в российской истории все чаще рассматриваются с точки зрения анализа Фуко генеалогии дискурсов и изменения практик воздействия на личность (от истерзанного тела к терзаемой душе). Кроме того, исследования работают с теорией Норберта Элиаса о процессе западной цивилизации². Однако история монастырского заключения все чаще становится самостоятельным предметом изучения и приобретает очертания независимого исторического, правового и социокультурного феномена³.

Это не в последнюю очередь связано с тем, что историография лишения свободы пережила значительное расширение за счет исследований, посвященных истории благотворительности. В ранний современный период помощь беднякам все больше приобретала институциональные черты, включая заключение в тюрьму нищих, бродяг и других представителей маргинальных социальных групп, которых помещали в пенитенциарные

¹ Марасинова 2017.

² Elias 1976; Акельев 2012б.

³ Начало положено историком и правоведом Сергеем Шаляпиным (Шаляпин 2013).

и подобные учреждения и заставляли там работать¹. Хотя такие исследования часто все еще находятся в традициях дисциплинарной парадигмы, они открывают взгляд на огромное разнообразие форм изоляции и содержания под стражей еще до «рождения» пенитенциарного учреждения в XIX веке.

Также и в России практика заключения рассматривалась с точки зрения истории учреждений социального призрения. Дома для бедных, сирот и богадельни анализировались, с одной стороны, как выражение гуманизации абсолютистской власти, а с другой — как меры по решению проблем общественного порядка². Например, в своем исследовании о «Странноприимном доме» начала XIX века Майя Лавринович фокусируется на акторах «снизу», а также на процессах негоциаций и присвоения культурных альтернатив в социальном пространстве городской бедноты, тем самым представляя пример историографии вне парадигмы «дисциплинарной власти»³.

Такие подходы привлекают внимание к еще двум институциональным типам: с одной стороны, благотворительные учреждения, такие как позднесредневековые шпитали, чьи задачи в ранний современный период часто брали на себя многофункциональные учреждения, как в случае французских *hôpitaux généraux*, где не только заботились о бедных, дисциплинировали нищих и наказывали проституток, но и ухаживали за психически и физически больными и кормили их. И во-вторых, монашеские общины, здания которых в Центральной Европе были превращены в пенитенциарии и рабочие дома или тюрьмы начиная с XVI века — несколько раньше в протестантских регионах, несколько позже в католических⁴. Уже первое учреждение подобного толка в континентальной Европе, *Rasphuis* в Амстердаме, основанное в 1595 году, располагалось в зданиях бывшего монастыря Бедных Клариссинок. Другим ярким примером является Клерво на востоке Франции: здесь в 1115 году святой Бернар основал аббатство, которое должно было стать

¹ Среди многих других — Geremek 1988; Jütte 2000.

² Козлова 2010.

³ Lavrinovich 2017.

⁴ Ammerer et al. 2010.

материнским учреждением для бесчисленных оснований цистерцианского ордена по всей Европе. После Французской революции монастырь, как и другие французские аббатства, такие как Мон-Сен-Мишель или Фонтевро, был упразднен и превращен в центральную тюрьму (*maison centrale*), которая существует до сих пор (закрытие объявлено на 2023 год).

ОТ МОНАСТЫРЯ К ТЮРЬМЕ

Вернемся к монастырям как местам заключения. Несмотря на то что, как уже отмечалось, современное тюремное наказание имеет многочисленные структурные сходства с монастырскими практиками контроля и покаяния, восходящими к Средним векам, а также получения спасения, аббатства и монастыри лишь постепенно стали объектом сравнительных исследований по истории тюремного заключения¹. Свою роль в этом сыграло и то, что методы наказания в самом монастыре долгое время оставались незамеченными историками. Это изменилось только в последние годы. В парадигматическом плане можно сослаться, например, на работы Ульриха Ленера и Элизабет Люссе, которые исследовали существование темниц в монастырях Средневековья и раннего Нового времени, основанных на самостоятельной монастырской правовой системе, которой подчинялись не только непослушные, провинившиеся или «беснующиеся» монахи и монахини, но часто и жители монастырских деревенских общин². Монастырская темница как смысловой образ «заключения внутри заключения» может быть прочитана как ядро образца практик и техник исключения, которые позже будут использоваться и в современных тюрьмах. Ведь здесь не только вступала в силу разделительная функция *claustrum* — то есть основной территории монастыря, куда нельзя входить посторонним и которую монахи и монахини также должны были покидать только в исключительных случаях. «Заключение внутри заключения» — это усиленная изоляция, подобно тому как в более поздних тюрьмах также были устроены

¹ Подробнее см.: Heullant-Donat et al. 2011.

² Lehner 2013; Lusset 2017, особенно S. 259–273.

штрафные изоляторы, в которых непокорных заключенных наказывали за их проступки.

Монастыри Средневековья и раннего Нового времени, однако, имеют множество других параллелей с современными тюремными учреждениями. К ним относится принцип *stabilitas loci*, то есть пожизненная привязанность монаха (или монахини) к своему монастырю, от которого нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах. Однако в различных религиозных общинах правила на этот счет различаются. Бенедиктинскому идеалу привязанности к месту, который в основном преобладал в Европе с IX века, позднее в мендикантских орденах, то есть прежде всего во францисканцах или доминиканцах, было противопоставлено служение обществу, ориентированное на социальные обязательства апостолов, что также отражалось в обширной преподавательской и проповеднической деятельности, которая могла привести членов ордена в качестве миссионеров во все концы света¹. С другой стороны, все монашеские движения объединяли некоторые основные правила монашеской жизни: бедность, то есть отказ от всех земных благ, целомудрие как доказательство исключительной преданности Богу и абсолютное подчинение авторитету, что выражалось, в частности, в обязанности повиноваться настоятелю или настоятельнице без исключения. Кроме того, во всех монашеских общинах действовал принцип всеобъемлющего наблюдения; монахи и монахини никогда не должны были чувствовать себя наедине и без надзора, ни в физическом, ни в религиозном смысле, поскольку существование в монастыре включало не только строгий свод правил, контроль со стороны руководства ордена и монастырских надзирателей или взаимный контроль членов ордена, но также — и прежде всего — идею вездесущего, всеведущего и всевидящего Бога, *deus panopticus*².

Все эти принципы можно найти и в тюрьмах XIX и XX веков. Тем не менее в историческом развитии все еще существует множество недостающих звеньев, объясняющих, как монастыри Средневековья и раннего Нового времени превратились в современные тюрьмы. Сравнительный анализ сводов правил, как уже

¹ Dopsch 2010.

² Jezierski 2009.

предлагали Хуберт Трейбер и Хайнц Штайнерт, является одной из возможностей¹. В последние годы содержание в тюрьмах религиозных меньшинств и роль тюрьмы как места «религиозной свободы» также стали объектом повышенного внимания². Другой подход заключается в изучении пространственных практик, поскольку именно в пространстве и через пространство особенно ярко проявляется преемственность между монастырем и тюрьмой³. Это можно увидеть, например, в таких пространственных архетипах, как стена, четырехугольная крытая галерея, которые были повторно использованы не только в монастырях, но и в многочисленных домах призрения и цухтгаузах раннего Нового времени, либо потому, что эти учреждения размещались в бывших монастырских зданиях, либо потому, что новые здания были вдохновлены именно этими моделями. Они также сформировали тюремную архитектуру в XIX и XX веках. Плодотворность такого подхода хорошо показана в онлайн-документации «Le cloître et la prison», которая начиная с истории Клерво подробно рассматривает пространственные формы монастырей и тюрем, которые часто следовали одной и той же архитектурной модели *claustrum*, то есть огороженного стеной двора, вход в который контролировался⁴. Другим примером является практика приема пищи и молитвы, которая была реактивирована в тюремных учреждениях раннего Нового времени в их специфической связи с пространством, как, например, монастырская трапезная и монастырский храм. Наконец, третьей общей чертой многих мест заключения — включая средневековые монастыри — является их многофункциональность и неоднородность контингента заключенных, которые, в свою очередь, также отражаются в пространстве через практику размещения или передвижения.

Места лишения свободы раннего Нового времени играют особую роль в изучении переноса форм, логик, техник и практик религиозного образа жизни и религиозного дисциплинирования в светские пенитенциарные учреждения. Повсюду в Европе

¹ Heullant-Donat et al. 2015.

² Muchnik 2019.

³ Bretschneider 2014.

⁴ <http://cloitreprison.fr>.

они совмещали религиозные, благотворительные, а также карательные и дисциплинарные функции — и все это вне конфессиональных границ. Таким образом, протестантские земли стали колыбелью многих новых типов учреждений, которые увидели свет в конце XVI века: Bridewells в Англии, Tuchthuizen в Нидерландах, Zuchthaus в немецких землях.

В католических районах, с другой стороны, первоначально преобладала традиционная модель шпиталей¹, до того, как она, как и в случае с французскими *hôpitaux généraux*, — также претерпела фундаментальные изменения в конце XVII и XVIII веке, в итоге которых на нее все больше были возложены карательные и дисциплинарные задачи. Однако повсеместно многофункциональность оставалась центральной чертой всех этих институтов до конца раннего Нового времени. Их отличала и вторая важная особенность: тесное переплетение религиозной и светской логики. Например, немецкий энциклопедист Иоганн Генрих Цедлер в своем знаменитом «Универсальном лексиконе» первой половины XVIII века писал о немецких пенитенциарных учреждениях: «Для строительства таких домов больше всего подходит форма монастырей, и особенно важно, чтобы рядом с ними была построена церковь, чтобы все заключенные могли посещать церковные службы, не имея опасения, что они сбегут»². Вряд ли можно лучше выразить связь между тюремными учреждениями раннего Нового времени и их моделью — монашеской общиной.

Особое место в этом историческом развитии занимает и судьба многих русских монастырей, которые долгое время функционировали как многофункциональные учреждения, что до сих пор почти не известно в Западной Европе, то есть они были не только домами для монахов и монахинь, но и служили местами для наказания преступников, изоляции политических противников, дисциплинирования мятежных крестьян, ухода за больными или инвалидами и воспитания детей-сирот. Таким образом, российские монастыри также следует рассматривать как многомерные, сложные пространства искупления, наказания

¹ Drossbach 2007.

² Zedler 1732–1754, здесь Bd. 63 (1750), Sp. 1003.

и социального контроля, на примере которых можно изучить конфликтные отношения между светскими и церковными акторами. Заключение в монастыре отнюдь не было «обычным» тюремным заключением. Здесь сошлись обе логики дисциплинирования — государственное наказание, направленное на возмездие, и церковное покаяние, обещающее перспективу исправления и спасения души. Но в чем заключалась связь этих логик и функций дисциплинирования?

Понятие дисциплинирования прочно связано с именем Мишеля Фуко, и действительно, его концепты послужили вдохновением для нескольких авторов этого сборника. В первую очередь, это понимание того, что принцип легитимации абсолютизма заключался уже не в публичных телесных наказаниях и ритуалах казни, а в якобы «рациональной», «просвещенной», «гуманистической» практике покаяния. В центре образовательной политики просвещенной монархини Екатерины II было уже не наказание, а воспитание «души» — или «совести». Параллели с выводом Фуко, полученным на примере западноевропейских институтов, что труд должен оказывать дисциплинарное и исправительное воздействие на правонарушителей, также поразительны. В то же время, однако, оценка исходного эмпирического материала показывает, что было бы слишком смело утверждать, что дисциплинарный процесс должен бы был привести к трансформации всей личности и полной интернализации дисциплины. Главным, однако, является признание совпадения светских и религиозных аспектов «исправления», когда уже не тело подвергается наказанию и пыткам, а желаемое исправление человека должно происходить на основе длительного самоанализа заключенного, который в своей форме аналогичен исповеди в поисках истины¹.

О СТАТЬЯХ СБОРНИКА

Именно эти темы затронуты в нашем сборнике. Его главный исследовательский интерес заключается в изучении разнообразия практик лишения свободы в русле исторического развития,

¹ См. статьи Махотиной и Марасиновой в этом сборнике.

а также в вопросе передачи этих практик от средневековых монашеских общин к современным пенитенциарным учреждениям XIX и XX веков. Сборник впервые сводит вместе монастырские и тюремные учреждения Западной и Восточной Европы, которые до сих пор оставались не изученными в сравнительной перспективе. Поэтому мы особенно рады, что нам удалось привлечь историков из России, Франции, Германии и Бельгии, которые представили результаты своих исследований и были открыты для совместного обсуждения теоретических и методологических проблем. Материалы разделены на три тематических блока.

*Мультифункциональные учреждения: монастыри,
смирительные и работные дома*

В начале был (вероятно) монастырь — и первая статья сборника Элизабет Люссе посвящена анализу монастырей Средневековья и раннего Нового времени как местам лишения свободы. В своем обзоре Люссе сначала рассматривает вопрос о роли заключения монахов и монахинь и его трактовке в западноевропейской историографии. При этом она указывает, что, с одной стороны, свидетельства источников о существовании тюрем в монашеских общинах восходят к Античности, а с другой — что сосредоточенность на духовной плоскости добровольного уединения от мира долгое время делала их изучение чрезвычайно трудным. Люссе прослеживает существование монастырских тюрем в правовых уставах различных орденов начиная с XIII века и описывает конкретные формы, которые они могли принимать. Катя Махотина обсуждает аналогичный вопрос на российском архивном материале в своей статье «Монастыри как мультифункциональные учреждения в России первой половины XVIII века». Статья рассматривает, как арест в монастыре превратился из изначально чисто монашеской дисциплинарной практики в широко применяемую карательную практику также и для мирян. Махотина видит причины этого изменения в эффекте петровской политики общего блага (*Gute Policey*): монастыри должны были взять на себя не только функции ссылки и изоляции, но и социальной заботы и воспитания, что приблизило их к пенитенциарным учреждениям и работным домам раннего Нового времени в Западной Европе.

Концепция многофункциональности также находится в центре внимания Фалька Бретшнейдера. В своей статье он задается вопросом о причинах большой популярности термина «дом» в названии многих учреждений раннего Нового времени. Он утверждает, что существенным мотивом для создания таких учреждений было намерение создать «дом» для тех, кто из-за отсутствия социальной принадлежности не имел его ранее. Это, по мнению автора, является главной причиной многофункциональности пенитенциариев и других мест заключения раннего Нового времени, которые служили, в частности, для интернирования людей без дома и семейных связей (нищих, бродяг, сирот и т. д.) и поэтому, несмотря на их часто репрессивный характер, могут быть прочитаны как современная попытка создания социальной интеграции.

Статья Ксавье Руссо представляет обзор развития практики заключения в испанских Нидерландах в течение длительного периода с середины XVI до конца XVIII века. Он отмечает, в частности, два явления: сосуществование различных типов учреждений, которые были вдохновлены либо голландской моделью *Tuchthuizen*, либо французской моделью *hôpitaux généraux*, и переход от изначально преимущественно мест заключения городских магистратов к учреждениям, которые поддерживались государством, таким как знаменитый Исправительный дом в Генте.

Наконец, Ирина Ролдугина рассматривает возникновение российской «Комиссии целомудрия», которая привела к основанию в 1750 году Калинкина дома — прядильной фабрики и дома проживания, в котором содержались женщины из петербургских борделей. Это должно было заменить прежние наказания за проституцию, особенно телесные наказания или изгнание. Детальный анализ повседневной жизни в этом первом российском работном доме показывает, однако, что работа заключенных на прядильной фабрике восходит к желанию бывшей сутенерши Анны Фелькер из Дрездена, которая была также заключена здесь. Кроме того, заключенным здесь барышням предоставлялась большая свобода, но при этом не придавалось никакого значения их исправлению и совершенствованию. Однако этот пример не стал прецедентом: в 1759 году Калинкин дом был закрыт. Первые российские работные дома для «беспутных»

женщин, достойные этого названия, появились лишь в конце XVIII века, в итоге екатерининского Устава о благочинии.

Город и тюрьма

Материалы второй части посвящены практике лишения свободы в городском контексте. Жюли Клостр и Пьер Брошар описывают в своей статье богатый спектр больших и малых тюрем в позднесредневековом Париже, которые располагались не только в зданиях светской власти, но часто и в монастырях или других религиозных учреждениях. Это было следствием значительного разнообразия органов суда и права, характерного для Средневековья и раннего Нового времени, в котором многочисленные правители практиковали свои собственные суды. Это также нашло отражение в соответствующих местах предварительного заключения подозреваемых. Как показывают Клостр и Брошар в своем микроанализе, этот плюрализм также имел последствия для практики ареста.

Статья Александра Воробьева повествует о большой московской тюрьме в XVII веке. Это учреждение служило в основном как место предварительного заключения правонарушителей, ожидающих приговора. Изучая организационную структуру тюрьмы, состав персонала и повседневную жизнь заключенных, Воробьев приходит к выводу, что московская тюрьма выступала в качестве «экспериментального поля» для российской пенитенциарной практики того времени.

Материал Симона Кастанье представляет центральных действующих акторов, ответственных за тюремное заключение должников в Париже во второй половине XVIII века. Кастанье описывает процедуру этой важной формы лишения свободы, которая была прочно связана с экономической жизнью города и характеризовалась прежде всего тем, что заключенные содержались в тюрьме не по приказу государственных властей, а по просьбе и за счет своих кредиторов. Таким образом, лишение свободы за долги является примером специфического отношения между заключением и обществом.

Наталия Мучник рассматривает особые формы социальных контактов в английских, французских и испанских тюрьмах XVI и XVII веков. Ее статья описывает тюрьму как микрокосмос,

представляющий общество в целом. Не только неоднородность социальной структуры отражалась в условиях содержания отдельных групп или в пространственной форме различных мест заключения, но и внутреннее и внешнее убранство тюрем были во многом связаны между собой и формировали общий опыт.

Наконец, статья Елены Бородиной рассматривает связь между заключением и индустриализацией на примере Екатеринбурга, где в 1720-х годах решение о принудительном труде заключенных было обусловлено нехваткой рабочей силы на Уральских промышленных предприятиях. В основном колодники-каторжане были заняты на шахтах, принадлежащих городу, а их работа и проживание были организованы Сибирским обер-бергамтом, главным органом управления промышленностью Урала и Сибири, который был одновременно заводом-крепостью, работодателем и источником импульса для экономического подъема города. Успех этой модели был настолько велик, что в 1750-х годах в фабричном городе насчитывалось в общей сложности три большие тюрьмы, которые находились в тесном взаимодействии с окружающим городским пространством.

Дискурсы и практики заключения

Наконец, в третьей части рассматриваются различные дискурсы и практики лишения свободы на основе различных хронологических, национальных и институциональных контекстов. В статье Елены Марасиновой рассматриваются дискурсы об исправлении души посредством монастырского заключения как светского инструмента общественной дисциплины. «Просвещенная императрица» Екатерина II приказала провести в центре Москвы протестантский по своей сути ритуал публичного покаяния для пары преступников, что было весьма необычно для православной церкви. Таким образом, светская власть использовала религиозный язык, чтобы обозначить своим подданным основные принципы «хорошего гражданина». В монастыре пара кающихся должна была исполнять епитимью и очистить свою совесть. Грех перед церковью становится теперь и преступлением против государства.

Людмила Сукина рассматривает роль тюрьмы и тюремного заключения в христианской заботе о бедных в России XVI

и XVII веков. Она уделяет особое внимание различным формам благотворительности, которая также заботилась о заключенных и первоначально имела религиозную подоплеку. Как показывает Сукина, в петровское время благотворительность стала более рациональной и экономически мотивированной, что означало, в частности, отказ от дискурса спасения души с помощью заботы о бедных.

Также о бедности и борьбе с ней пишет в своей статье Лоранс Фонтень. Она делает акцент на той дискурсивной роли, которую современники приписывали тюремному заключению в обращении с бедностью и нищетой. На примере конкурса, объявленного Академией Шалон-сюр-Марн в 1777 году, она рассматривает аргументы, которые говорили за или против интернирования бедных людей и часто основывались на утопических концепциях общества, характерных для эпохи Просвещения.

Сборник завершается резюме, написанным Винсентом Мийо, который, подытоживая выводы статей, заключает: географическое расширение историографии тюрем, которая до сих пор была сосредоточена на Западной Европе и Северной Америке, может только выиграть от привлечения других регионов мира. Мийо подчеркивает, что традиционная идея о том, что тюрьма была западным изобретением, не может быть поддержана в свете последних исследований. Скорее, современная тюрьма имеет множество корней, которые географически расположены в Восточной Европе и России. Именно многофункциональность многих учреждений, которая была центральным компонентом трансформации из монастыря в тюрьму и на которую обращает внимание этот сборник, делает возможным такой сравнительный анализ, казалось бы, совершенно разных учреждений. Таким образом, представленный на суд читателя сборник вносит важный вклад в расширение международной сферы научных исследований практик наказания и исправления.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статьи этого сборника подготовлены по итогам двух конференций, организованных международной сетью Em#C — Enferme-

ments modernes/Early Modern Confinement¹ в Париже в ноябре 2018 года и в Москве в сентябре 2019 года. Мы хотели бы поблагодарить всех, кто внес свой вклад в успех этих мероприятий, особенно Винсента Мийо, который дал первоначальный импульс для организации встречи в Париже и основания исследовательской сети Em#C. Также мы благодарим Софи Абдела и Паскаля Бастьена, которые проведут третий семинар сети в Монреале в 2022 году. Школа высших социальных исследований, в особенности Центр исторических исследований (UMR 8558 EHESS/CNRS) и центр Георга Зиммеля по франко-немецким социальным исследованиям (UMR 8131 EHESS/CNRS), Центр Института и динамики экономики и общества (IDHE.S, UMR 8533 Université Paris 8 — Vincennes-Saint-Denis/CNRS), а также Университет Бонна в лице кафедры истории Восточной Европы и Боннского центра изучения зависимости и рабства (Bonn Center for Dependency and Slavery Studies) поддерживали проведение конференций и подготовку публикации.

Мы хотели бы особо поблагодарить Германский исторический институт в Москве и его директора Сандру Дальке, а также Центр франко-русских исследований в Москве и его бывшего директора Венсана Бенета, без гостеприимства которых московская конференция не смогла бы состояться. Денис Сдвижков, Хелене Мосманн и Владислав Ржеутский также оказали нам поддержку в организации конференции и подготовке этой публикации. Также мы хотели бы поблагодарить Аллу Беляк, Веру Мильчину и Екатерину Оде, которые взяли на себя не всегда легкую задачу перевода статей для этого сборника с французского на русский язык. Наконец, мы благодарим издательство «Новое литературное обозрение» за доверие и включение в свою издательскую программу Studia eurasica.

Париж, Бонн, январь 2022 года

БИБЛИОГРАФИЯ

Акельев 2012a — *Акельев Е.* Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012.

Акельев 2012b — *Акельев Е.* «И впредь в Кремле колодников держать отнюдь не велеть». Эволюция отношения к заключенным в Москве в первой половине

¹ См.: <https://emc.hypotheses.org> (дата обращения 05.01.2022).

- XVIII века // DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert (12). 2012. https://perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/akelev_straeflinge (дата обращения 05.01.2022).
- Анисимов 1999 — *Анисимов Е.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.
- Анисимов 2019 — *Анисимов Е.* Держава и топор. Царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 2019.
- Гернет 1961 — *Гернет М.* История царской тюрьмы. М., 1961.
- Марасинова 2017 — *Марасинова Е.* «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века. Очерки общественного сознания. М., 2017.
- Махотина 2019 — *Махотина Е.* Меланхолия приходит в Россию. Монастыри как долгаузы в России в 18 веке // *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*. 2019. Vol. 7. S. 21–46.
- Козлова 2010 — *Козлова Н.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010.
- Павлушков 2014 — *Павлушков А.* Карательно-исправительная система Русской православной церкви в имперский период. Вологда, 2014.
- Пругавин 1906 — *Пругавин А.* Монастырские тюрьмы. М., 1906.
- Шаляпин 2013 — *Шаляпин С.* Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. Архангельск, 2013.
- Adams 1996 — *Adams B. F.* The Politics of Punishment: Prison Reform in Russia, 1863–1917. Northern Illinois University Press, 1996.
- Ammerer et al. 2010 — *Ammerer G., Brunhart A., Scheutz M., Weiß A. S.* (Hrsg.) Orte der Verwahrung. Die innere Organisation von Gefängnissen, Hospitälern und Klöstern seit dem Spätmittelalter. Leipzig, 2010.
- Ammerer, Weiß 2006 — *Ammerer G., Weiß A. S.* (Hrsg.) Strafe, Disziplin und Besserung. Österreichische Zucht- und Arbeitshäuser von 1750 bis 1850. Frankfurt/M. et al., 2006.
- Bohne 1922–1925 — *Bohne G.* Die Freiheitsstrafe in den italienischen Stadtrechten des 12.–16. Jahrhunderts. Leipzig, 1922–1925.
- Bretschneider 2008 — *Bretschneider F.* Gefangene Gesellschaft. Eine Geschichte der Einsperrung in Sachsen vom 18. bis zum 19. Jahrhundert. Konstanz, 2008.
- Bretschneider 2014 — *Bretschneider F.* Spaces of Confinement. Institutional Stabilization and Eigensinn — the Case of Saxony // Friedrich K., Bailey G., Veit P. (Hrsg.) Die Erschließung des Raumes: Konstruktion, Imagination und Darstellung von Räumen und Grenzen im Barockzeitalter. Wolfenbüttel; Wiesbaden, 2014. S. 97–113.
- Bretschneider 2019 — *Bretschneider F.* Pieter Spierenburg's Contribution to the History of Confinement in Early Modern Europe // *Crime, Histoire & Sociétés/ Crime, History & Societies*. 2019. 23/2. P. 123–130.
- Claustre 2007 — *Claustre J.* Dans les geôles du roi. La prison pour dette à Paris à la fin du Moyen Âge. Paris, 2007.
- Daly 2000 — *Daly J.* Criminal Punishment and Europeanization in Late Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. 48/3. S. 341–362.
- Deyon 1975 — *Deyon P.* Le temps des prisons. Essai sur l'histoire de la délinquance et les origines du système pénitentiaire. Lille; Paris, 1975.

- Dopsch 2010 — *Dopsch H.* Klöster als Orte der Verwahrung? Zwischen benediktinischer Ortsgebundenheit und apostolischer Mission / Ammerer, Brunhart, Scheutz, Weiß. 2010. S. 297–325.
- Drossbach 2007 — *Drossbach G.* (Hrsg.) Hospitäler in Mittelalter und Früher Neuzeit. Frankreich, Deutschland und Italien. Eine vergleichende Geschichte/Hôpitaux au Moyen Âge et aux Temps modernes. France, Allemagne et Italie. Une histoire comparée. München, 2007.
- Dülmen 2014 — *Dülmen R. van.* Theater des Schreckens: Gerichtspraxis und Strafrituale in der frühen Neuzeit. 6. Aufl. München, 2014.
- Elias 1976 — *Elias N.* Über den Prozeß der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. 2 Bde. Frankfurt/M., 1976.
- Farge 2008 — *Farge A.* Condamnés au XVIIIe siècle. Paris, 2008.
- Foucault 1975 — *Foucault M.* Surveiller et punir. Naissance de la prison. Paris, 1975.
- Geltner 2008 — *Geltner G.* The Medieval Prison. A Social History. Princeton; Oxford, 2008.
- Gentes 2008 — *Gentes A.* Exile to Siberia 1590–1822. Corporeal Commodification and administrative systematization in Russia. Basingstoke, 2008.
- Goffman 1961 — *Goffman E.* Asylums: Essays on the Condition of the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Chicago, 1961.
- Heullant-Donat et al. 2011 — *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E.* Enfermements. Le cloître et la prison (VIe–XVIIIe siècle). Paris, 2011.
- Heullant-Donat et al. 2015 — *Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset E., Bretschneider F.* Enfermements II. Règles et dérèglements en milieu clos (IVe–XIXe siècle). Paris, 2015.
- Hippel 1932 — *Hippel R. von.* Die Entstehung der modernen Freiheitsstrafe und des Erziehungs-Strafvollzugs. Jena, 1932.
- Ignatieff 1978 — *Ignatieff M.* A just measure of pain: The penitentiary in the industrial revolution, 1750–1850. New York, 1978.
- Jezierski 2009 — *Jezierski W.* Monasterium panopticum // Frühmittelalterliche Studien. 2009. 40/1. S. 167–182.
- Kollmann 2012 — *Kollmann Sh. N.* Crime and Punishment in Early modern Russia. Cambridge, 2012.
- Krause 2003 — *Krause Th.* Opera publica / Bretschneider F. (Hrsg.) Gefängnis und Gesellschaft. Zur (Vor-)Geschichte der strafenden Einsperrung. Leipzig, 2003. S. 117–130.
- Lavrinovich 2017 — *Lavrinovich M.* The Role of Social Status in Poor Relief in a Modernizing Urban Society: The Case of Sheremetev's Almshouse, 1802–12 // The Russian Review. 2017. 76. P. 207–235.
- Leclerq 1971 — *Leclerq J.* Le cloître est-il une prison? // Revue d'ascétique et de mystique. 1971. 47. P. 407–420.
- Lehner 2013 — *Lehner U. L.* Monastic Prisons and Torture Chambers. Crime and Punishment in Central European Monasteries, 1600–1800. Eugene, OR, 2013.
- Lusset 2017 — *Lusset É.* Crime, châtements et grâce dans les monastères au Moyen Âge (XIIe–XVe siècle). Turnhout, 2017.
- Makhotina 2021 — *Makhotina E.* Kloster in der Genealogie des Gefängnisses. Einleitung zum Themenheft «Klöster als multifunktionale Orte der Einsperrung» // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2021. 69. 3. S. 183–208.

- Martínez Martínez 2011 — *Martínez Martínez M.* Los forzados de marina en la España del siglo xviii (1700–1775). Almería, 2011.
- Morgan, Rushton 2013 — *Morgan G., Rushton P.* (Hrsg.) Banishment in the Early Atlantic World. Convicts, Rebels and Slaves. London, 2013.
- Muchnik 2019 — *Muchnik N.* Les prisons de la foi. L'enfermement des minorités. Paris, 2019.
- Münch 2017 — *Münch Ch.* In Christo närrisches Russland. Zur Deutung und Bedeutung des «jurodstvo» im kulturellen und sozialen Kontext des Zarenreiches. Göttingen, 2017.
- Nutz 2001 — *Nutz Th.* Strafanstalt als Besserungsmaschine. Reformdiskurs und Gefängniswissenschaft, 1775–1848. München, 2001.
- Perrot 1981 — *Perrot M.* L'impossible prison: Recherches sur le système pénitentiaire au XIXe siècle. Paris, 1981.
- Radbruch 1950 — *Radbruch G.* Die ersten Zuchthäuser und ihr geistesgeschichtlicher Hintergrund // ders.: *Elegantiae Juris Criminalis*. Vierzehn Studien zur Geschichte des Strafrechts. Hamburg, 1950. S. 116–129.
- Rothman 1971 — *Rothman D.J.* The Discovery of the Asylum. Social Order and Disorder in the New Republic. Boston, 1971.
- Rusche, Kirchheimer 1939 — *Rusche G., Kirchheimer O.* Punishment and Social Structure. New York, 1939.
- Sainte Fare Garnot 1984 — *Sainte Fare Garnot N.* L'Hôpital Général de Paris. Institution d'assistance, de police, ou de soins? // *Histoire, économie & société*. 1984. № 3–4. P. 535–542.
- Schmähling 2009 — *Schmähling A.* Hort der Frömmigkeit — Ort der Verwahrung. Stuttgart, 2009.
- Schmidt 1996 — *Schmidt Ch.* Sozialkontrolle in Moskau. Justiz, Kriminalität, Leibenschaft 1649–1785. Stuttgart, 1996.
- Schuck 2000 — *Schuck G.* Arbeit als Polizeystrafe. Policy und Strafjustiz // Härter K. (Hrsg.) *Policy und frühneuzeitliche Gesellschaft*. Frankfurt/M., 2000. S. 611–625.
- Schwerhoff 1991 — *Schwerhoff G.* Köln im Kreuzverhör. Kriminalität, Herrschaft und Gesellschaft in einer frühneuzeitlichen Stadt. Bonn, 1991.
- Spierenburg 2007 — *Spierenburg P.* The Prison Experience. Disciplinary Institutions and Their Inmates in Early Modern Europe. New Brunswick; London, 2007.
- Steiner 2014 — *Steiner S.* Rückkehr unerwünscht. Deportationen in der Habsburgermonarchie der Frühen Neuzeit und ihr europäischer Kontext. Wien; Köln; Weimar, 2014.
- Steinert, Treiber 1980 — *Steinert H., Treiber H.* Die Fabrikation des zuverlässigen Menschen. Über die «Wahlverwandschaft» von Kloster- und Fabrikdisziplin. München, 1980.
- Stier 1988 — *Stier B.* Fürsorge und Disziplinierung im Zeitalter des Absolutismus. Das Pforzheimer Zucht- und Waisenhaus und die badische Sozialpolitik im 18. Jahrhundert. Sigmaringen, 1988.
- Zarinebaf 2010 — *Zarinebaf F.* Crime and Punishment in Istanbul, 1700–1800. Berkeley, 2010.
- Zedler 1732–1754 — *Zedler J.H.* Grosses Vollständiges Universal-Lexikon. 63 Bde. und 4 Erg.bde. Leipzig; Halle, 1732–1754.
- Zysberg 1987 — *Zysberg A.* Les galériens. Vies et destins de 60 000 forçats sur les galères de France (1680–1748). Paris, 1987.